

скому и нездѣшному. И такъ тонко, такъ глубоко выявилъ Толстой ощущение нѣжной души ребенка, проходящаго въ очень сгущенной, очень плотной для него атмосферѣ взрослыхъ тяжелыхъ людей. Только Пьеръ Безухій мимоходомъ отвѣчаетъ на тихое исканіе дѣтской души; княжна же Марья (оставшаяся въ замужествѣ той же княжной Марьей) подходит къ мечтательному мальчику близко, они другъ друга понимаютъ.

Художникъ касается здѣсь области жизни до того тонкой, нѣжной, неуловимой, что казалось бы нѣтъ средствъ для передачи этихъ отвлеченныхъ воздушныхъ теченій жизни идеалистической музыкальной души. Однако же, мощный реалистъ показалъ намъ свѣтлую зыбь этихъ чувствъ, ибо внутренній слухъ его былъ необычаенъ. Въ человѣческомъ, обычномъ, онъ ловитъ вѣянія тайнаго и темнаго, близко подходящаго къ каждой человѣческой жизни, проникаетъ въ великій сумракъ за всѣмъ внѣшне-жизненнымъ, и мимоходомъ касается той области чувствъ, которую отмежевали себѣ для творчества писатели, вродѣ Метерлинка. Двухъ женщинъ, сближенныхъ ужасомъ и тяжелой серьезностью смерти, онъ заставляетъ переживать слѣдующее мистическое прислушиваніе:

«Обѣ онѣ прислушивались къ незамолкшему еще въ ихъ воображеніи страшному,